

Aleksander Kiklewicz (Olsztyn)
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, Olsztyn
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>
e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Типология неизосемических реализаций пропозиционального аргумента (на материале польского и русского языков)¹. Часть 1

Typology of non-izosemic realizations of propositional argument (on the material of Polish and Russian language). Part 1

The subject of the article are non-izosemic syntactic realizations of propositional arguments as components of sentence content, implicated by the lexical verb meaning in the position of predicate according to its valence predisposition. The linguistic analysis and description is based on the functional syntactic theory, especially on the explicative syntactic theory, the foundations of which were worked out by S. Karolak, as well as the Polish school of semantic syntax. The author has identified and analyzed in the aspect of functional syntax the following types of syntactic transformations: implication, separation (replacement), loose connection, self-empowerment, conversion, blending, restructuring, simplification (creation of compact groups), transposition and definitization. The material is served by simple and complex sentences excerpted from the texts as well as the language corpora in Polish and Russian languages; sometimes the information is referred to other languages (for example English). Describing the full/discrete and incomplete/indiscreet syntactic representations of propositional arguments, the author takes into account their three aspects: meaning (semantic function), form (belonging to the grammatical class) and syntactic position (at the verb, at the noun, independent and others).

Ключевые слова: функциональный синтаксис, синтаксическая деривация, синтаксическая репрезентация, синтаксическая эксплицитация vs имплицитация

Key words: functional syntax, syntactic derivation, syntactic representation, syntactic explicitation vs implicitation

---

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта *Die verbo-nominalen Konstruktionen als Folge syntaktischer Kondensation: semantische Interpretation in Sprache und Diskurs*, который в 2018 году был реализован в Институте славистики и речеведения (Institut für Slavistik und Sprechwissenschaft) Университета имени Мартина Лютера Галле-Виттенберг при финансовой поддержке научного фонда Alexander von Humboldt-Stiftung (Германия).

Введение

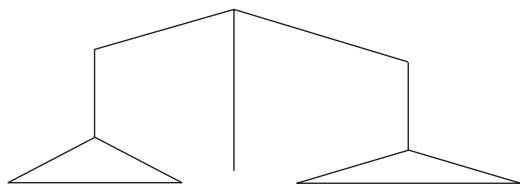
В основе синтаксической структуры лежит понятие зависимости. Как писал Л. Теньер (1988: 54), синтаксическая связь иерархична, т.е. предполагает направленность от подчиняющего элемента к подчиненному. Эта направленность имеет свою мотивацию: согласно Теньеру, «объекты структурного плана выражают объекты семантического плана» (1988: 54). Подобную мысль ранее высказывал другой французский ученый – А. Сеше (1923/2003: 32сл.).

Согласно общепринятому пониманию, подчинительная связь (в простом и сложном предложении) выражается в формальной неравноправности элементов: отношения между ними необратимы, а показатель связи имеется только в одном из элементов, а именно – в синтаксически зависимом (Розенталь/Теленкова 1976: 292). В подчинительных синтагмах морфосинтаксический показатель находится в структуре подчиненной словоформы, ср.: *читать книгу-у*. На уровне сложного предложения это правило реализуется в том, что, как читаем в «Русской грамматике», придаточным считается предложение, которое «содержит подчинительный союз или союзное местоименное слово» (Шведова 1980: 462).

Если придаточное предложение имеет интенциональный характер, т.е. обусловлено лексическим значением предиката и входит в область его валентности², мы имеем дело с клаузальными или, в другой терминологии, сентенциальными актантами, которые представляют собой один из видов синтаксической репрезентации пропозициональных аргументов (далее – ПА). Своим интенциональным характером клаузальные актаны отличаются от модификаторов или адъюнктов (см. Hirschmann 2015: 25сл.; Burton-Roberts 2016: 32сл.). Семантическая и грамматическая зависимость клаузального актанта в типичном случае оформляется в виде подчинительного предложения изъяснительного типа. Это можно проиллюстрировать следующим примером³.

² См. понятие *embedded clause* в функциональной грамматике С. Дика (Dik 1997: 143).

³ Экспликативная схема, определяемая в терминах грамматических классов, понимается вслед за польским синтаксистом С. Кароляком (см. Karolak 2002: 153сл.).

(1) Иван Петрович подумал, что так даже лучше.

x	P	q	(a)
N_x	V_P	S_q	(b)
N_{nom}	V_F	Con (<i>что</i>) S	(c)

Условные обозначение: (a) уровень пропозициональной структуры; (b) уровень экспликативной схемы; (c) уровень структурной схемы

Такого рода синтаксическая зависимость (с подчинительным союзом *что* в составе объектной клаузы) отражает пропозициональную структуру (а именно – обусловленный, интенциональный статус аргумента *q* наиболее полным, адекватным, дискретным или, пользуясь терминологией Г. А. Золотовой (1988: 430), изосемическим способом. Изосемическая реализация ПА (т.е. в виде клаузального финитного актанта/комплемента), как вытекает из моих наблюдений, типична по крайней мере для некоторых славянских языков. Так, более 97% русских эмотивных глаголов и более 72% ментальных глаголов допускает придаточное изъяснительное предложение в позиции ПА.

В то же время система языка предусматривает разнообразные формы неизосемических синтаксических репрезентаций, при которых ПА получает менее специфицированную форму выражения, что может сопровождаться более развернутыми преобразованиями синтаксической структуры. Синтаксические (синхронические) процессы в современном польском и русском языках ранее были предметом лингвистических исследований (Лаштева 1976; Ванников 1978; Норман 1994; 2012; Шацкая 2008; Кустова 2017; Сердобольская 2017; Pospiszylowa 1973; Pisarkowa 1975; Grochowski 1984; Mazur 1986; Wiśniewski 1994; Kikiewicz 1987; Labocha 2012; Nabrajska 2017 и др.). Так, Б. Ю. Норман (1994: 175ссл.) выделил девять типов операций, в результате которых языковые синтаксические модели преобразуются в конкретные речевые высказывания: соблюдение, развертывание, расширение, свертывание, смещение, контаминация, обособление, включение и сложение. С одной стороны, требуется верификация или, скорее, инвентаризация этих процессов с учетом конкретного типа синтаксической репрезентации — клаузальных актантов. С другой стороны, в языковом материале обнаруживаются новые, не отмеченные исследователями типы синтаксических

преобразований, среди которых наибольший интерес вызывают такие, при которых нарушается синтаксическая иерархия членов подчинительной конструкции, т.е. наблюдается асимметрия семантического и формально-грамматического планов высказывания.

Динамическому аспекту синтаксиса современных славянских языков были посвящены мои предыдущие публикации: Киклевич 2013, 315ссл.; Kiklewicz 2013a; 2013b. Возвращение к данной теме связано с тем, что со времени опубликования упомянутых работ была получена новая информация о синтаксических процессах, а кроме того были переосмыслены некоторые аспекты лингвистической категоризации языкового материала. Во многом этому способствовала реализация научного проекта, упомянутого в первой ссылке.

1. Концепция и теоретический контекст исследования

В большинстве современных лингвистических теорий аксиомой стало признание факта, что при описании синтаксических явлений (моделей, структур, преобразований) необходим учет семантических характеристик первичных элементов – синтаксем. В первую очередь это касается единиц, имеющих вершинный статус. В славянском языкознании данная идея распространилась благодаря разработке во второй половине XX века теории «смысл – текст» (см. Melchuk 1984), а также благодаря разным направлениям функциональной грамматики, независимо от того, декларируют их представители свою принадлежность к функционализму, как, например, С. Дик (Dik 1997), или нет, как, например, С. Кароляк (Karolak 2002). Интегративный подход к описанию синтаксического уровня языка (с учетом семантической спецификации⁴ компонентов) реализуется в разных формах и касается разных аспектов. Один из них – функционально-генеративный, состоящий в том, что формальные (поверхностные) структуры предложения трактуются как реализации базовых пропозиционально-семантических структур⁵. В славянском языкознании эта идея, как представляется, наиболее последовательно и системно была реализована

⁴ Более подробно о градации семантической спецификации см.: Kiklewicz 2017.

⁵ Такое представление синтаксиса соответствует более общему, функционально ориентированному пониманию языка как вербализации знаний и мыслительных процессов, ср. понятие нем. *Versprachlichung von Gedanken und Gedankengängen* в работе: Metzeltin 2018: 74.

в лингвистической теории С. Кароляка (1984; 2002). Польский исследователь исходит из предпосылки, что синтаксический анализ может проводиться только на материале семантически идентифицированных (или специфицированных) единиц. Такая идентификация, в первую очередь понимается как пропозициональная атрибуция вершинных глаголов – носителей не только номинативной (денотативной), но и релятивной (комбинаторной) семантики. Каждая глагольная лексема, в понимании Кароляка, программирует – в соответствии со своим лексическим значением – окружение, т.е. позиции комплементов, которые, безусловно или условно, должны быть заполнены, так чтобы языковая конструкция выполняла свою номинативную функцию по отношению к фрагменту действительного или возможного мира.

Теоретическую концепцию Кароляка можно определить как конструктивный (формальный) синтаксис на базе семантического синтаксиса. Эта концепция представляет собой, таким образом, симбиоз формально-грамматического описания языка (как, например, в традиционной или генеративной грамматике) и функционально-семантического описания языка (как, например, в категориальной грамматике). Пропозициональный уклон данной концепции можно объяснить влиянием Львовско-Варшавской школы логического анализа языка, которая оказала большое влияние на развитие польской семиотики и лингвистической семантики. В работах Кароляка формально-грамматическая структура предложения, с одной стороны, ставится в зависимость от семантических (а именно релятивных, коннотативных) свойств глагольного предиката; с другой стороны, семантическая структура предложения верифицируется с учетом формального заполнения позиций, открываемых предикатом, т.е. реальной комбинаторики, которую можно изучать методами делимитации и морфосинтаксического анализа (более подробно об этом: Киклевич/Корытковская 2012: 563ссл).

Синтаксические репрезентации аргументов в концепции Кароляка специфицированы с точки зрения формы выражения (например, сентенциальные, девербативные или инфинитивные). Однако нужно отметить, что имеются также п о з и ц и о н н ы е особенности синтаксической реализации семантических категорий, чему Кароляк не уделил внимания. В языковом материале встречаются такие примеры реализации ПА, которая характеризуется не только имплицитацией их содержания, но также изменением их синтаксической позиции. Такого рода явление наблюдается в польском предложении (более подробно о явлении транспозиции см. в пункте 10):

- (1) Król nagrodził *bohaterskiego sottysa* licznymi nadaniami.
 'Король награбил доблестного солтыса многочисленными чинами'
 N_x V   Adj_Q   < N_y   NV_p   Ø_{VQ}

Глагольный предикат *nagrodzić* 'наградить' имеет четырехместный характер, что отражает пропозициональная формула: $P(x, y, p, q)$. Смысл предложения состоит в том, что король (x) награбил солтыса (y) таким образом, что присвоил ему многочисленные чины (p), за то, что солтыс вел себя доблестно, поступил по-геройски (q). Четвертый (каузативный) аргумент выражен в компрессированной форме прилагательного, которое находится в присубстантивной (а не приглагольной) позиции. Указания только на факт синтаксической имплицитации аргумента q было бы недостаточно – тогда важный аспект синтаксической репрезентации остался бы за кадром.

Следует отметить, что в функциональном синтаксисе достаточно слабо разработаны синтаксические процессы – модификации синтаксических структур в синхроническом аспекте. Так, в монографии Н. Бартона-Роберта (Burton-Roberts 2016) рассматриваются следующие аспекты синтаксического анализа:

The basic Verb Phrase
 Adverbials and other matters
 Auxiliary VPs
 The structure of Noun Phrases
 Sentences with sentences
 Wh-clauses
 Non-finite clauses

Что касается процессов преобразования синтаксической структуры, рассматривается только явление эллипсиса, а также нефинитные формы клаузалльных актантов (*ibidem*: 223).

2. Имплицитация

Центральное место в теории Кароляка занимает понятие эксплицитации, т.е. формально-грамматического выражения базовых семантических категорий: предикатов и аргументов (Karolak 2002: 45). Эксплицитация, или синтаксическая репрезентация (как альтернативное, однако более общее понятие), как уже указывалось, может быть более или менее полной, адекватной. Известно, что ПА могут выражаться не только клаузалльными (как наиболее дискретными), но и другими, недискретными формами, а многие глаголы допускают, кроме того, бесконтекстное незаполнение этой позиции (Karolak 2002: 13; см. также:

Szumska 2017: 268)⁶. Это явление, известное также как синтаксическая конденсация, компрессия или редукция, состоит в том, что ПА реализуется в некопозициональной форме, т.е. не удовлетворяющей условиям предикативности (таким, как предикативное отношение, грамматическое лицо, время, объективная модальность). В зависимости от степени имплицитации разные формы синтаксических репрезентаций занимают определенный уровень в структуре валентного класса (или синтаксического ряда, в соответствии с русской терминологией)⁷.

Таблица 1. Типы синтаксической репрезентации ПА

• сентенциальный (финитный) актант	$q \rightarrow S$	<i>Я знала, что существую только для тебя.</i>
• предикатный (нефинитный) актант	$q \rightarrow NV^a$ $q \rightarrow VI^b$ $q \rightarrow Adj$	<i>Парень забыл об обещании. Стрельцы хотели вернуть Софию на трон. Я считаю его лучшим в трилогии.⁶</i>
• именной пропозитивный актант	$q \rightarrow NS$	<i>Не думайте о мелочах.</i>
• именной субстанциальный актант	$q \rightarrow N$	<i>Девушка узнала желтую сумку.</i>
• нулевая реализация аргумента	$q \rightarrow \emptyset$	<i>Дети быстрее забывают.</i>

^a Девербатив в позиции ПА не всегда равнозначен предикату зависимой пропозиции, хотя такая синтаксическая репрезентация является наиболее регулярной. Встречаются, однако, и более специфические случаи, как, например, польское предложение: *Zastłaniata ręką braki zębów*. Глагол *zastłaniać/zastłonić* в основном значении имплицитует предметные аргументы, поэтому наличие абстрактного существительного *brak* представляется неестественным. Это можно объяснить только достаточно радикальной компрессией исходного смысла: *Zastłaniata ręką zęby, tak żeby nie było widać, że brakuje jej zębów*.

^b Производный, вторичный характер инфинитива как одной из форм имплицитации ПА как синхронический факт системы языка не соответствует диахроническому процессу, в котором инфинитивные конструкции предшествовали изъявительным. Это явление, когда первичность/вторичность языковых форм в диахронии и синхронии не совпадает, имеет достаточно распространенный характер (и, например, касается производности в сфере лексической семантики, см. Киклевич 2017).

⁶ Реализация пропозиционального аргумента в форме прилагательного возможна только в условиях его расщепления (см. пункт 3) или транспозиции (см. пункт 10).

⁶ В статье 1973 года И. Н. Кручинина отмечала альтернативные по отношению к сложному предложению конструкции со «скрытой» или «совмещенной» предикацией с субъектным и объектным инфинитивом, деепричастным или причастным оборотом, девербативным существительным (трактуемым как «синтаксический дериват») и др. Кручинина при этом ссылалась на публикации, относящиеся к периоду 60–70-х годов XX века (Кручинина 1973, 111сл.).

⁷ Более подробно характер этой градации описан в работах: Lehmann 1988; Сердобольская 2005.

Встречаются случаи, когда имплицитация ПА осуществляется с участием нескольких типов синтаксических форм, например, именных и предикатных актантов, на что указывают приведенные ниже примеры:

- (2) Я даже перестаю радоваться *хорошим отзывам*.
// Я перестаю радоваться отзывам за то, что это – хорошие отзывы.
// Я перестаю радоваться тому, что отзывы хорошие.
- (3) Норвежское руководство ожидало *жесткой реакции* Советского Союза (Алексей Комаров).
// Норвежское руководство ожиало, что реакция Советского Союза будет жесткой.
- (4) Мы надеялись на *положительный ответ*.
// Мы надеялись, что ответ будет положительным.

Как видно из приведенных трансформ, в базовой синтаксической форме ПА реализуется в виде зависимой клаузы с составным именным сказуемым, именно – с прилагательным в именной части:

$$V N_x S_q [= V_Q Adj_Q N/NS]$$

Форма сентенциального актанта модифицируется таким образом, что он реализуется в виде именной группы (прилагательное + существительное), занимающей одну позицию при вершинном глаголе, что соответствует экспликативной схеме:

$$V N_x \emptyset_Q Adj_Q > N/NS$$

Распределение типов синтаксической репрезентации ПА было исследовано на материале польских и русских ментальных и эмотивных глаголов⁸. Полученные данные о количестве глаголов, допускающих тот или иной тип валентности, представлены в таблице 2.

Таблица 2. Регулярность типов синтаксической репрезентации в польском и русском языках

МЕНТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ								
язык	сентенциальный актант		предикатный актант		именной актант		нулевой актант	
польский	217	87,1%	219	87,9%	152	61,0%	60	24,1%
русский	287	88,3%	283	87,0%	215	66,2%	159	48,9%
ЭМОТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ								
язык	сентенциальный актант		предикатный актант		именной актант		нулевой актант	
польский	275	92,3%	290	97,3%	248	83,2%	66	22,1%
русский	292	93,8%	297	95,5%	277	89,1%	155	49,8%

⁸ Польский материал был проанализирован М. Корытковской и А. Заторской.

Как видим, пропорции между отдельными категориями синтаксических репрезентаций в обоих языках подобные: наиболее регулярно допускаются сентенциальные и предикатные актанта, при этом их регулярность выше в случае эмотивных глаголов. Второй ранг по регулярности занимают именные актанта, при этом данный тип валентности соответствует подавляющему большинству эмотивных глаголов: более 89% в русском языке и более 83% в польском. Ментальные глаголы также в своем большинстве допускают этот (в определенном смысле феноменологический) тип реализации ПА, однако их число только незначительно превышает 60%.

Наименее характерным для обоих языков является последний тип имплицитации – нулевая реализация ПА. В русском языке она возможна в случае почти половины ментальных и эмотивных глаголов, хотя, например, в польском языке их число не превышает 25%. Из представленных наблюдений вытекают общий вывод о том, что степень имплицитации отражается в регулярности синтаксических репрезентаций: чем сильнее имплицитация, чем меньше число лексических единиц, допускающих данный тип репрезентации ПА. Система языка, как видим, явно ориентирована в сторону изосемичности, т.е. наиболее адекватной, транспарантной поверхностно-грамматической реализации пропозиционально-семантических структур.

Особый интерес вызывает явление, которое можно определить как отсутствие: речь идет о глагольных единицах, которые, будучи предикатами второго порядка, не допускают реализации пропозиционального аргумента в виде зависимой клаузы. Например, такой тип валентности характерен для фазовых глаголов. С одной стороны, эти единицы выражают одноместные предикаты второго порядка типа $P(p)$, т.е. открывающие позицию для пропозиционального аргумента, называющего событие или положение дел, например:

(5) Начинается заседание комиссии.

P   p

(6) Концерт закончился.

p   P

(7) Лекция продолжилась.

p   P

С другой стороны, реализация p в форме финитной клаузы здесь не предусматривается⁹. Для других классов глаголов данный тип синтакси-

⁹ При этом следует отметить, что возможна более сильная компрессия ПА, а именно – в форме субстанциального актанта, например: разг. *Прошла голова* в значении 'Закончилась головная боль'.

ческой репрезентации пропозициональных аргументов является менее характерным. В случае уже упомянутых ментальных и эмотивных глаголов отсутствие характерно прежде всего глаголов метафорического происхождения (как, например, *отобрать, копаться, отмечать, проникнуть, углубиться* и др.) – их исходная конкретная семантика (своего рода память о производящем значении) блокирует возможность присоединения придаточного изъяснительного в позиции ПА.

3. Расщепление

Обратным по отношению к имплицитации является синтаксический процесс, в результате которого ПА представлен двумя актантами, занимающими разные, зависимые от вершинного предиката позиции, о чем ранее писал Ю. Д. Апресян (1974: 15ссл.; 2010: 351ссл.; см. также: Korytkowska 1992: 92ссл.; Karolak 2002: 104ссл.). Р. Левин (Levine 2017: 37) определяет данное явление как *replaiement*. Например, в предложении

(8) Это дело заинтересовало меня тем, что фигуранты не договорились.

NS   V   N_x   S_q

имеются две синтаксемы, репрезентирующие один и тот же ПА: именной пропозитивный актанта *это дело* и сентенциальный актанта *что фигуранты не договорились*. На факт расщепления указывает то, что возможна альтернативная форма данного предложения, в которой соответствующая синтаксическая репрезентация занимает одну позицию при вершинном глаголе:

(9) Я заинтересовался тем, что фигуранты этого дела не договорились.¹⁰

N_x   V   S_q

Наиболее регулярными с точки зрения валентностной характеристики глаголов являются следующие типы расщепления:

q → N S_q   Lekarz podejrzewa kolegę (o to), że coś ukrywa.
Он думает о детях, что они эгоистичны.

q → NV NV_Q Ø_{Vq}   Niewymienienie swojego nazwiska Piotr odczuł jako upokorzenie.
Отец верил в марксизм как в живое творческое учение.

q → N NV_Q/NS_q   Dziewczyna zainteresowała filmowca niepokojącą obojętnością
spojrzenia.

¹⁰ В данном случае расщепление реализуется в конструкции альтернативной, а именно — производной диатезы, однако это ограничение принципиально необязательно, ср.: *Я ценю в нем все качества, которыми он обладает // Я ценю то, что он обладает всеми этими качествами.*

$q \rightarrow N N_Q \emptyset_{Vq}$	<i>Австралия казалась мне выдумкой.</i> <i>Raweł zaintrygował nauczycielkę wyszukaną grzecznością.</i> Ребенок воображает себя собакой.
$q \rightarrow S_q N$	<i>O Annie profesorowie sądzili (to), że ma talent.</i> Он думает об этой пачке, что не хочет расставаться с нейю.
$q \rightarrow N S_q$	<i>Olga wyobrażała sobie Annę, jak jedzie na wózku żwirową aleją.</i> Он заинтриговал меня тем, что выпустил новый вирусный ролик.
$q \rightarrow NV_Q/NS_q N$	<i>Lekarz sportowy stwierdził u dziecka skłonności do poważnych chorób.</i> Я заметил у себя побочный эффект.
$q \rightarrow N N_Q \emptyset_{Vq}$	<i>Koledzy cenili Jurka jako pisarza.</i> Он думает о вещах как о живых людях.

Расщепление стилистически маркировано. Большинство приведенных выше конструкций имеет нормативный характер – это, главным образом, обусловлено тем, что синтаксические репрезентанты ПА занимают объектную позицию (в предложениях активной диатезы) или субъектную позицию (в предложениях производной диатезы). К сфере разговорной речи или просторечия относятся конструкции, в которых это правило нарушается, например:

- (10) *A za оставшиеся 450 тысяч рублей наши руководители считают, что можно прокормиться* («Народная воля». 29 I 1997).
// Руководители считают, что за оставшиеся 450 тысяч рублей можно прокормиться.
- (11) *Но если этот тип повадится ходить ко мне в гости или вообще полезет ко мне с вопросами, я просто не знаю, что с ним сделаю* («Литературная газета». 21 X 1987).
// Я не знаю, что я с ним сделаю, если он повадится ходить ко мне в гости.
- (12) *W korytarzu nie zgadzam się, że będę stał całą drogę.*
// Nie zgadzam się (z tym), że będę stał w korytarzu.
- (13) *W publicznych i prywatnych stacjach telewizyjnych zauważyłem, że seriale stanowią większą część ramówki.*
// Zauważyłem, że w publicznych i prywatnych stacjach telewizyjnych seriale stanowią większą część ramówki.
- (14) *Nie z każdym studentem mam okazję, żeby porozmawiać.*
// Nie mam okazji, żeby porozmawiać z każdym studentem.
- (15) *Obraz historii lub ukazanie jakiegoś zdarzenia w cyklu zdjęć zdarza się, że jest niejasny.*
// Zdarza się, że obraz historii... jest niejasny.

А. Б. Летучий (2012: 60) пишет о явлении «выноса прямого дополнения», которое, по мнению Дж. Росса (Ross 1967; 1986), возможно только в предложениях с сентенциальным актантом, ср. (примеры Летучего):

- (16) Что ты хочешь, чтобы он сказал?
(17) Что ты любишь, когда он приносит?
(18) *Что ты расстроился, когда он сказал.

Летучий, однако, отмечает, что данный критерий делимитации сентенциальных актантов недостаточно надежный, так как многие предложения с выносом дополнения зачастую выглядят искусственными, во всяком случае явно стилистически маркированы как элементы разговорного стиля, ср. примеры из Национального корпуса русского языка:

- (19) Сами по себе картинки на странице в соцсети говорят ровно о том, *о чем человек хочет, чтобы люди узнали* (Д. Менделеева, Ю. Ратанов).
- (20) Вы где хотите, чтобы ваша бабушка лежала? (Андрей Битов).
- (21) Где вы хотите, чтобы был накрыт стол? (Борис Левин).
- (22) Как вы хотите, чтобы я отвечал на такой вопрос? (И. С. Тургенев).
- (23) Как я хочу, чтобы выглядела эта комната? (И. Зверев).
- (24) Как вы хотите, чтобы ваш народ выжил без этого? (Дмитрий Глуховский).
- (25) Как ты хочешь, чтобы я прогоняла тестовые программы?
- (26) Как ты хочешь, сынок, чтобы я ее назвал?
- (27) Кем она хочет, чтобы сделалась девочка, когда вырастет? (Л. К. Чуковская).
- (28) Кого вы хотите, чтобы я вам отдал – Иисуса, называемого Христом, или Варавву? (Л. Н. Толстой).

Для конструкций данного типа характерен определенный порядок слов¹¹: инициальная позиция вынесенного компонента (вопросительного местоимения). Существует и другой тип локализации компонентов, на который указывают следующие примеры:

- (29) Вы что хотите, чтобы мы ее дважды редактировали? (Александр Терехов).
- (30) Ты что хочешь, чтобы мы объяснялись с НАТО о том, что хотим делать? (Георгий Арбатов).
- (31) Ты что хочешь, чтобы страна называлась «Диктатура умнейшего и добрейшего человека»? (Яков Багров).

Здесь вопросительное местоимение находится в постпозиции по отношению к подлежащему, а в устной речи граница главного и придаточного предложений оформляется паузой. При этом основное различие касается семантического содержания и синтаксической структуры: если в первом случае местоимение соотносится с одним из аргументов пропозиционального содержания придаточного предложения, то во втором случае оно соотносится со всем этим предложением в целом, выполняя, по существу, функцию коррелятора. На это указывают семантически сопоставимые трансформации, например:

- (32) Ты хочешь того, чтобы мы объяснялись с НАТО?

Подобно другим корреляторам, местоимение *что* может быть опущено:

¹¹ Это требование является, видимо, фреквентивным, а не абсолютным, ср. вариант предложения с вопросительным местоимением в другой позиции: *Вы кого хотите, чтобы я вам отдал?*

(33) Ты хочешь, чтобы мы объяснялись с НАТО?

Н. Бартон-Робертс (Burton-Roberts 2016, 236) рассматривает вид синтаксического преобразования в английском языке, при котором в позицию, зависимую от вершинного глагольного предиката (т.е. в позицию дополнения), переносится актант с функцией первого аргумента зависимой пропозиции (см. также: Levine 2017: 160), например:

(34) I believe William to have been in the garden.

$$\begin{array}{ccccccc} N_x & V & N & & VI_Q & & \\ \text{'Я считаю, что Вильям был в саду'} & & & & & & \\ // I believe that William has been / was in the garden^{12}. & & & & & & \end{array}$$

Обращается внимание на то, что существуют дополнительные дистрибутивные ограничения, касающиеся оформления подобного рода конструкций, ср.:

- (35) *She said Rashid to have the perfect disguise.
- (36) *Talullah watched the clown to put on his make-up.
- (37) Talullah watched the clown putting on his make-up.
- (38) *She believed William being in the outhouse.
- (39) *She said Rashid having the perfect disguise.

Бартон-Робертс (ibidem: 239ссл.) выделяет несколько типов английских предложений с подобным вынесением актанта:

V + NP + *to* + infinitive

- (40) I'd prefer the butter to taste it first.
- (41) She encouraged Muldoon to buy her the diamonds.
- (42) Machiavelli believed him to be the ideal prince.
- (43) I'd like the Senator to try it for a week.
- (44) They expected the bear to dance.
- (45) I wanted John to be alone.

V + NP + *-ing* participle

- (46) He had heard Victoria and Albert singing that duet.
- (47) I caught the clown helping the elephants onto the trapeze.

V + NP + bare infinitive

- (48) Marcel made Celeste peel him a grape.
- (48) He watched Magda polish off the toast.

¹² Данная конструкция возможна также с глаголом в форме пассивного залога: *William is believed to have been in the garden* (более подробно о такого рода выражениях см.: Levine 2017: 217). Отдельно следует отметить, что глагол *believe* выступает также в значении трехместного предиката $P(x, y, q)$, например, в предложении: *I believe William that he has been in the garden* (*// I believe William [when he says] that he was in the garden*) 'Я верю Вильяму, что он был в саду'.

V + NP + passive participle

(50) She found the icon buried in the wall.

(51) She kept Raleigh imprisoned in the tower.

Бартон-Робертс специально обсуждает проблему синтаксического статуса вынесенного компонента: является ли он дополнением в структуре матричной клаузы или подлежащим в структуре зависимой клаузы? Автор (с моей точки зрения правильно) склоняется к первому решению, которое обосновывает так: если заменить существительное на местоимение, то оно будет иметь форму косвенного падежа: *me, him, her, us, them*, что явно указывает на зависимость от вершинного глагола (ibidem: 240), ср.:

(52) I expected John to come with you.

// I expected him to come with you.

// I expected that John/he is coming with you.

‘Я ожидал от Джона/от него, что он придет с тобой’

Возможно, однако, и более простое объяснение: в конструкциях с инфинитивом позиция подлежащего заблокирована по определению.

В славянских языках выступает достаточно экзотическая (представленная, главным образом, в разговорной речи) форма расщепления сентенциального актанта сложной синтаксической структуры. Речь идет об изъяснительных придаточных, которые в свою очередь подчиняют себе придаточное предложение. Рассмотрим следующий пример:

(53) On widzi to, co chce, żeby widzieli inni.

S [N_x] V S_q

// On chce, żeby inni widzieli to, co widzi on.

Здесь мы имеем дело с радикальной конверсией, при которой компонент наиболее низкого ранга подчинения (*co widzi on*) поднимается в вершинную позицию. Этот случай относится к категории расщепления, так как синтаксический репрезентант ПА (*żeby inni widzieli, co widzi on*) представлен двумя синтаксическими членами, занимающими по отношению к матричному предложению две позиции: главную и зависимую. Результатом такого же преобразования является польское предложение:

(54) Dzieła sztuki ukazują to, co artysta chce, by widzieli inni (Harlan Coben; перевод: Z. A. Królicki).

// Artysta chce, żeby inni widzieli to, co ukazują dzieła sztuki.

4. Бессоюзие

Здесь мы имеем дело с типом синтаксической репрезентации, когда наиболее типичной является бессоюзная реализация зависимой клаузы. Это характерно, например, для группы ментальных глаголов, при этом некоторые из них (как, например, *итожить*) вообще не употребляются в сложных предложениях с изъяснительным союзом, ср.:

- (55) Женщины восхищались: «Да вы пианист!» (Ирина Грекова).
 // Женщины восхищались, что он (такой хороший) пианист.
 (56) Нестеренко [...] итожит: — Надо бы новых каких-то людей достать (Александр Макаренко).
 // *Нестеренко итожит, что надо бы новых каких-то людей достать.

Особый интерес с этой точки зрения вызывают глаголы речи, в частности, те, которые содержат элемент оценки или экспрессивной модальности, например, *ворчать*, *выпалить*, *брякнуть*, *бросить*, *выдавить*, *взорваться*, *продребезжать*, *вырваться* и т.п. Некоторые из них, как представляется, вообще не допускают союзной реализации синтаксического актанта, ср.:

- (57) — С дочкой сложности... — выдавила из себя Елена (Людмила Улицкая).
 // *Елена выдавила из себя, что с дочкой сложности.
 (58) Не может того быть!! — взорвался Петрович. Скинут их всех! (Борис Екимов).
 // *Петрович взорвался, что не может того быть.

В других случаях употребление союза в предложении с глаголом речи допускается, однако во многих случаях это ограничено тем, что языковая форма синтаксического актанта имеет стилистически маркированный характер; в этой ситуации замена прямой речи на косвенную автоматически переносит ответственность за форму высказывания на речевого субъекта, т.е. повествователя, а это не всегда соответствует его намерению или же его коммуникативному статусу¹³. Приведу соответствующие примеры:

¹³ В этом случае мы имеем дело с неконвенциональными языковыми знаками, как их понимает, например, Б. А. Успенский: они недопустимы «для произнесения (или написания) — даже и в том случае, когда она воспроизводится от чужого имени, как чужая речь, за которую говорящий (пишущий), вообще говоря, не может нести ответственности. Иначе говоря, этот текст в принципе не переводится в план метатекста, не становится чистой цитатой: в любом контексте соответствующие слова как бы сохраняют непосредственную связь с содержанием, и, таким образом, говорящий каждый раз несет непосредственную ответственность за эти слова» (1994: 57).

- (59) Никто из товарищей не будет *ворчать*, что он работает плохо (Варлам Шаламов).
- (60) – Мне неудобно, у меня рука болит, – *ворчит* Ремзик (Фазиль Искандер).
// Ремзик *ворчит*, что ему неудобно.
- (61) – Пора уж, – *ворчал* я на Андрюху.
// *Я *ворчал* на Андрюху, что пора уж.
- (62) – Враки, как и всегда, – *ворчал* Азazelло, косясь на Бегемота (Михаил Булгаков).
// *Азazelло *ворчал*, что враки, как и всегда.
- (63) Прибежал Борька, *выпалил*, что Хромого Батора нигде нет (Геннадий Башкуев).
- (64) – Это Ельцин во всем виноват! – покрасневшись, *выпалила* Людмила (Алексей Моторов).
// Людмила *выпалила*, что это Ельцин во всем виноват.
- (65) – А вас туда и не просят! – громко *выпалила* Мила (Виталий Губарев).
// *Мила громко *выпалила*, что их туда и не просят.
- (66) «Отстань, дура!» – со злостью *выпалила* женщина (Е. Кучеренко).
// *Женщина со злостью *выпалила*, чтобы дура отстала.
- (67) Он sбежал, этот ваш Оглоблин! – *выпалил* Ямбых (Михаил Елизаров).
// *Ямбых *выпалил*, что он sбежал, этот их Оглоблин.

Употребление подчинительного союза невозможно также в тех случаях, когда сентенциальный актанта реализует перформативный речевой акт, например, экспрессивный или директивный:

- (68) – Честное слово! – *выпалил* я (Фазиль Искандер).
// *Я *выпалил*, что честное слово.
- (69) – Спасибо! – *выпалил* он, вскакивая (Евгений Лукин).
// *Я *выпалил*, что спасибо.
- (70) – Ну, ни фига себе! – восхищенно *выпалил* Нос (Полина Волошина, Евгений Кулько).
// *Нос восхищенно *выпалил*, что ни фига себе.

Бессоюзиe встречается также в предложениях с парентезой, когда репрезентация ПА сопровождается конверсией синтаксических позиций. Об этом явлении более подробно пойдет речь в пункте 6 во второй части статьи.

Литература

- Апресян Ю. Д. (1974): *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва.
- Ванников Ю. В. (1978): *Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи*. Москва.
- Золотова Г. А. (1988): *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Москва.
- Киклевич А. (2013): *Ветка вишни. Статьи по лингвистике*. Olsztyn.
- Киклевич А. (2017): *You Tube против «Словаря русского языка»*. [В:] *Актуальные проблемы стилистики*. 3, 190–197.

- Киклевич А./Корытковская М. (2012): *Экспликативный синтаксис как информационная база лексикографического описания глаголов (на материале польского и русского языков)*. [В:] *Acta Linguistica Petropolitana*. VIII/3, 557–572.
- Кручинина И. Н. (1973): *Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения*. [В:] *Вопросы языкознания*. 2, 111–119.
- Кустова Г. И. (2017): *Об одной конструкции прилагательных*. [В:] *Научно-техническая информация. Серия 2: информационные процессы и системы*. 11, 33–37.
- Лаптева О. А. (1976): *Русский разговорный синтаксис*. Москва.
- Летучий А. Б. (2012): *О некоторых свойствах синтаксических актантов в русском языке*. [В:] *Вопросы языкознания*. 5, 57–87.
- Норман Б. Ю. (1994): *Грамматика говорящего*. Санкт-Петербург.
- Норман Б. Ю. (2012): *О процессах синтаксической компрессии в современных славянских языках*. [В:] *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 71/6, 3–11.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. (1976): *Словарь-справочник лингвистических терминов*. Москва.
- Сердобольская Н. В. (2005): *Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации*. Москва [диссертация].
- Сердобольская Н. В. (2017): *Бессоюзные актантные предложения с глаголом думать в русском языке*. [В:] *Вопросы языкознания*. 5, 7–35.
- Сеше А. (2003): *Очерк логической структуры предложения*. Москва.
- Теньер Л. (1988): *Основы структурного синтаксиса*. Москва.
- Успенский Б. А. (1994): *Избранные труды*. Т. 2. Москва.
- Шацкая М. Ф. (2008): *Наблюдения над семантическими и синтаксическими преобразованиями в комическом контексте*. [В:] *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2, 20–25.
- Шведова Н. Ю. (ред.) (1980): *Русская грамматика*. Т. 2. Синтаксис. Москва.
- Burton-Roberts N. (2016): *Analyzing Sentence. An Introduction to English Syntax*. London/ New York.
- Dik S. C. (1997): *The Theory of Functional Grammar*. Berlin/New York.
- Grochowski M. (1984): *Składnia wyrażeń polipredykatywnych*. [W:] Topolińska Z. (red.), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa, 213–300.
- Habrajska G. (2017): *Kompresja i kondensacja w materiałach do Słownika komunikacyjnego*. [W:] Dudziak A./Orzechowska J. (red.), *Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym. Księga jubileuszowa dedykowana prof. Aleksandrowi Kiklewiczowi z okazji 60. urodzin*. Olsztyn, 113–121.
- Hirschmann H. (2015): *Modifikatoren im Deutschen. Ihre Klassifizierung und varietätenspezifische Verwendung*. Tübingen.
- Karolak S. (1984): *Składnia wyrażeń predykatywnych*. [W:] Topolińska Z. (red.), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa, 11–212.
- Karolak S. (2002): *Podstawowe struktury składniowe języka polskiego*. Warszawa.
- Kiklewicz A. (1987): *Об одном конструктивном аспекте сочинительной связи (на материале русского и польского языков)*. [W:] *Slavia Orientalis*. XXXVI/3-4, 485–490.
- Kiklewicz A. (2013a), *Синтаксические процессы в структуре сложного предложения (I)*. [W:] *Slavia Orientalis*. LXII/3, 449–463.
- Kiklewicz A. (2013b): *Синтаксические процессы в структуре сложного предложения (II)*. [W:] *Slavia Orientalis*. LXII/4, 613–629.
- Kiklewicz A. (2017): *Nieokreśloność a semantyczna specyfikacja grupy imiennej*. [W:] Danielewiczowa M., Doboszyńska-Markierwicz K., Wójcicka A. (red.), *Nieokreśloność i granice*. Warszawa, 119–138.
- Korytkowska M. (1992): *Typy pozycji predykatowo-argumentowych*. Warszawa.
- Labocha J. (2012): *Pragmatyczne mechanizmy składni języka mówionego*. [W:] *Slavia Occidentalis*. 69, 140–145.

- Lehmann C. (1988): *Typology of clause linkage*. [In:] Haiman J., Thomson S. A. (eds.), *Clause Combining in Grammar and Discourse*. Amsterdam/Philadelphia, 181–225.
- Levine R. D. (2017): *Syntactic Analysis. An HPSG-Based Approach*. Cambridge.
- Mazur J. (1986): *Organizacja tekstu potocznego. Na przykładzie języka polskiego i rosyjskiego*. Lublin.
- Melchuk I. (1984): *Introduction*. [In:] Melchuk I./Zholkovskij A. (eds.), *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики*. Вена, 39–68.
- Metzeltin M. (2018): *Angewandte Satzanalyse. Sprachwissenschaft als Verstehens- und Verständigungskunst*. Wien.
- Pisarkowa K. (1975): *Składnia rozmowy telefonicznej*. Wrocław etc.
- Pospiszyłowa A. (1973): *Wyodrębnienie dowolnej części zdania w oddzielne wypowiedzenie*. [W:] *Język Polski*. LIII/5, 330–337.
- Ross J. R. (1967): *Constraints on variables in syntax*. Massachusetts [PhD dissertation].
- Ross J. D. (1986): *Infinite Syntax*. Norwood/New Jersey.
- Szumskwa D. (2017): *Struktura predykatowo-argumentowa jako narzędzie analizy tekstu: pro et contra*. [W:] *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 52, 264–277.
- Wiśniewski M. (1994): *Strukturalna charakterystyka polskich wypowiedzeń niezdanowych*. Toruń.

Streszczenie

Przedmiotem artykułu są nieizosemiczne realizacje syntaktyczne argumentów propozycyjalnych jako składników treści zdania, implikowanych przez znaczenie leksykalne czasownika w pozycji orzeczenia zgodnie z jego predyspozycją walencyjną. Analiza i opis lingwistyczny opiera się na teorii składni funkcjonalnej, zwłaszcza na teorii składni eksplikacyjnej, której podstawy opracował S. Karolak, a także przedstawiciele polskiej szkoły składni semantycznej. Autor zdefiniował i przeanalizował w aspekcie składni funkcjonalnej następujące typy przekształceń składniowych: implikacja, separacja (zastąpienie), związek bezspójnikowy, konwersja, kontaminacja, restrukturyzacja, uproszczenie (tworzenie grup zwartych), transpozycja i definityzacja. Materiał empiryczny obejmuje zdania proste i złożone wyekscerpowane z tekstów oraz korpusów internetowych w języku polskim i rosyjskim; niektóre fakty dotyczą także innych języków europejskich (np. angielskiego). Opisując pełne/dyskretne i niepełne/niedyskretne reprezentacje składniowe argumentów propozycyjalnych, autor bierze pod uwagę ich trzy aspekty: znaczenie (funkcję semantyczną), formę (przynależność do klasy gramatycznej) i pozycję składniową (przy czasowniku, przy rzeczowniku, niezależną i inne).